

В тот момент, когда она целовала Ин Чжао, то сразу заметила отсутствие у той кадыка. Впрочем, подумав о том, что у некоторых мужчин он тоже почти не выражен, она решила, что это нельзя считать надежным доказательством половой принадлежности.

Лицо Ин Чжао было белым, словно фарфор, а кожа — даже лучше, чем у самой Линху Сян. Если приглядеться, то даже поры были едва заметны, и Линху Сян невольно ощутила прилив зависти.

Однако стоило вспомнить, как Ин Чжао при всех потребовала исполнения уговора, как Линху Сян усомнилась: вряд ли обычная женщина стала бы вести себя подобным образом и позволила бы представителю своего пола так бесцеремонно ласкать себя на людях. Большинство женщин при виде Линху Сян испытывали лишь отвращение и брезгливость, и только мужчины смотрели на неё с вожделением. Но взгляд Ин Чжао был ясным: казалось, она очарована красотой Линху Сян, однако та видела, что в глазах Ин Чжао читается лишь восхищение, лишённое всякой пошлой похоти.

Размышляя об этом, Линху Сян посмотрела на Ин Чжао с ещё большим интересом. Впрочем, древняя мудрость гласит, что красавицы при лунном свете особенно хороши, и это была чистая правда. Ин Чжао стояла в тусклом свете луны, на одной её щеке всё ещё алел след от помады, а другая, безупречно чистая, то возникала из тени, то вновь скрывалась в ней. В Ин Чжао удивительным образом переплетались два противоположных образа — демоническое искушение и святая чистота, что рождало в умах окружающих самые смелые фантазии.

Больше всех появлению Ин Чжао обрадовался Чу Юнько. Он был уверен, что та погибнет от рук тех двоих, и никак не ожидал, что она вернется целой и невредимой. Зато Цзян Цзиньюэ, стоявшая рядом с Чу Юнько, стала относиться к Ин Чжао с ещё большей настороженностью. Она знала, что её старший брат Чу всегда отличался рыцарским духом и готовностью прийти на помощь, но эта Ин Чжао, чьё лицо было подобно полной луне, внушала ей необъяснимое чувство опасности. Ей казалось, что Ин Чжао — это дремлющий в бездне зверь, который, стоит ему проснуться, перевернет весь мир вверх дном.

Если бы Ин Чжао узнала об этих мыслях Цзян Цзиньюэ, она бы наверняка усмехнулась: главная героиня действительно оправдывает своё звание, обладая чутьем, подобным инстинктам маленького зверька. Впрочем, сейчас всё внимание Ин Чжао было приковано к приближающимся преследователям из Дун-чана: она уже слышала едва уловимый топот копыт и крики. Похоже, Чу Юнько и Цзян Цзиньюэ тоже всё услышали — их лица мгновенно изменились, хотя они быстро взяли себя в руки и даже уселись за старый деревянный стол, принявшись за чай. Ин Чжао догадалась, что они не знают, кто именно пожаловал, и, опасаясь выдать себя чрезмерной бдительностью, решили затаиться и ждать развития событий.

Тем временем Линху Сян, как хозяйка постоянного двора, вела себя как обычно: шутила, смеялась и время от времени продолжала заигрывать с Ин Чжао. Ин Чжао мастерски отражала все её выпады, но когда Линху Сян внезапно принесла чарку мутного вина, Ин Чжао лишь приподняла бровь и с любопытством посмотрела на неё.

— Маленький господин, мы ведь с вами уже и целовались, и ласкались, так что примите эту

чарку как знак моего почтения. Не смейте отказываться, — проворковала Линху Сян.

Сказав это, она довольно смело уселась Ин Чжао на колени, а её пальцы с алыми ногтями, набрав немного вина, коснулись губ Ин Чжао. Этот жест был настолько дерзким и соблазнительным, что любой мужчина готов был пасть к её ногам.

Ин Чжао не упустила из виду едва заметное движение хозяйки. Она знала, что вино с сюрпризом, но раз уж красавица сама подносит напиток, грех отказываться. Она припала к изящным пальцам Линху Сян и залпом осушила чарку. По правде говоря, вино было средненьким — кроме короткого жгучего привкуса, Ин Чжао не почувствовала ничего особенного, но в компании Линху Сян его вполне можно было пить.

Линху Сян, увидев, что Ин Чжао действительно выпила «заботливо приготовленное» ею вино, радостно блеснула своими лисьими глазами. Раз уж этот человек выиграл у неё столько серебра, она найдет способ вернуть его обратно, и ключ к этому лежал в этой чарке. Посмел взять то, что принадлежит Линху Сян? Посмотрим, хватит ли у него жизни, чтобы удержаться это! Её прозвище Ядовитая Вдова досталось ей не просто так.

В голове Ин Чжао раздался пронзительный визг системы 007:

— Носитель, предок мой, ты же знаешь, что вино отравлено! Почему ты его выпила?! Если ты умрешь, задание будет провалено, а меня сотрут!

Ин Чжао небрежно ответила:

— Успокойся, я не так легко умираю, и уж точно не здесь.

Хотя у неё не было сильного желания цепляться за жизнь, она ещё не досмотрела это представление до конца, а бросать дела на полпути было не в её правилах. Что касается яда, то для обычного человека он был бы смертельным, но для представителей её расы — Альф, чьи тела обладают колоссальной выносливостью и ускоренным метаболизмом, — это вызовет разве что небольшую рвоту кровью, ничего серьезного. К тому же, это древний мир, технологии создания ядов здесь куда примитивнее, чем в Федерации. Будучи адмиралом, Ин Чжао привыкла к отравлениям как к обыденности: любителей у неё было много, но желающих её смерти — ещё больше. В каком-то смысле она выработала у себя иммунитет ко всем ядам. Именно поэтому она рискнула выпить вино Линху Сян. Как бы ей ни нравились красавицы, она не была готова пожертвовать жизнью ради той, кого видит первый день.

Линху Сян, сидя на коленях у Ин Чжао, смотрела на это одаренное природой лицо и не могла удержаться — она протянула руку и приподняла подбородок Ин Чжао. В её взгляде сквозило исступление, а левая рука скользнула по чертам лица Ин Чжао, пока большой палец с нажимом не коснулся её красных, испачканных вином губ. Увы, мысль о том, что она не смогла затащить в постель такого красавца, вызвала у Линху Сян легкое сожаление, но кто велел ему быть таким несговорчивым и обыграть её? Помимо красоты, больше всего на свете она любила деньги.

Ин Чжао позволяла ей делать всё что угодно, лишь глубоко в глазах скрывалось желание, о котором сама Линху Сян не догадывалась. На какое-то время шумный постоялый двор превратился в место для их любовных игр, и остальные люди словно перестали существовать для них обоих.

— И-и-го-го! — громкое ржание лошади разрушило эту двусмысленную атмосферу и заставило всех присутствующих насторожиться.

В постоялый двор вошли более десяти человек в темно-зеленых мундирах с вышитыми летучими рыбами. У каждого из них было бледное лицо без единой волосинки и холодный, злой взгляд — сразу было видно, что это люди непростые. Впереди шел человек с крайне женственными чертами лица.

Линху Сян к тому времени уже отодвинулась от Ин Чжао. Увидев вошедших, она на мгновение блеснула глазами, но тут же нацепила на лицо улыбку и поспешила навстречу:

— Ой, мой постоялый двор сегодня прямо сияет — такие важные гости пожаловали! Не знаю, желаете ли вы просто перекусить или остановиться на ночлег?

Жун Янь сначала окинул взглядом всех присутствующих в зале, затем лениво поднял веки и посмотрел на Линху Сян, бросив небрежно:

— Подготовь нам лучшие комнаты, принеси чаю и еды.

— Будет исполнено! Проходите, уважаемые гости, садитесь, всё будет готово в мгновение ока.

Сказав это, Линху Сян, покачивая бедрами, направилась на кухню. В зале воцарилась гробовая тишина, и, несмотря на полноту гостей, никто не осмеливался проронить ни слова.

<http://bllate.org/book/21557/2218351>